

О. М. Гончарова

КРЫМ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ (XI–XVIII века)

Своеобразие истории состоит в том, что исторические процессы и события фиксируются не только в историографических описаниях и исторических нарративах, но и в «культурной памяти», «коллективном интеллекте» общества. Коллективная интеллектуальная память как символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов всегда «противостоит времени» и «сохраняет прошедшее как пребывающее» [15. С. 201]. В этнокультурном мышлении любого народа сохранены оценки и интерпретации фактов, явлений, образов самых давних эпох, что позволяет человеку мыслить себя не только *здесь* и *теперь*, но и быть причастным к национальному ментально-историческому универсуму. Взгляд в «зеркало истории» — это и поиск самоопределения, самоидентичности, понимание коллективной целостности культуры, дискурсивное выражение которых требует совершенно особого «языка», оперирующего в основном знаками и символами. Такие символы зачастую имеют мифологический характер и не требуют «обоснования подлинности их бытия», но являются истинными и хорошо понятными «представителям тех этнических культур, в контексте которых они сложились и функционировали» [21. С. 202].

В русском национальном сознании одним из самых популярных этнокультурных символов издавна стал Крым. В смысловом пространстве русской культуры образ Крыма уже изначально был наделен особым сакральным статусом, что фиксирует летописная «Корсунская легенда». Она повествует не только о крещении князя Владимира, но и о завоевании им греческого города Корсуни и женитьбе на цареградской царевне, обозначая таким образом «источники» и «первоначала», то есть византийские контексты становления русской теократии. Может показаться, что этим мифологическая семантика образа и ограничивается, что в системе византийских сюжетов, постоянно реализовавшихся на русской почве, он занимал достаточно скромное место. Между тем именно в «Таврике завязывался узел русско-византийских отношений» [36. С. 12], а потому внимание к Крыму на Руси было постоянным, особенно — с конца XV века (времени падения Византии), и связано это было с тем, что идея «византийского наследия» оказалась доминантной для русского этнокультурного мышления.

Эта идея инициировала в средневековой Руси целый ряд текстов (документальных, литературных, публицистических), событий, культурных и государственно-политических мероприятий, которые были связаны не столько с самой Византией, сколько выражали особый уровень самосознания *России* и *русского*. Византийско-константинопольские контексты порождают, например, такую значимую формулу, как «Москва — Третий Рим», и определяют постоянное, настойчивое и в чем-то парадоксальное стремление русских «освободить Царьград». Средневековому мышлению необходимо было «иметь Царьград живым и свободным, чтобы, овладев им, овладеть истинной царственностью» [27. С. 175]. Это стремление надолго сохраняет свое обаяние. В XIX веке Ф. И. Тютчев

в стихотворении «Русская география» напишет: «Москва и град Петров и Константинов град — / Вот царства русского заветные столицы» [32. С. 152]. Хотя Константинополь так и не стал русским городом, эти строки — отнюдь не поэтическая вольность, они основаны на вполне закономерной национальной мифопоэтической логике, на своей мифолегендарной «русской географии». В системе этнокультурных координат захваченный османами Константинополь, как и сама Византия, оказались действительно освобожденными и присвоенными Россией, поскольку во второй половине XVIII века их символической заменой стал Крым.

Чтобы понять специфику такого ментального преобразования, следует учесть ряд факторов. Прежде всего — особое отношение к пространству в русском сознании, которому, как показал Ю. М. Лотман, всегда было свойственно моделировать *собственное, русское* в пространственно-географических категориях [14]. Их ведущая роль «в построении священного космоса русской жизни» порождает и особый «русский хронотоп» [31. С. 134], и «власть пространства над русской душой» [2. С. 64]. В этой перспективе обретение чужого пространства или чужого «царства» обеспечивало, в представлениях русского средневековья, и присвоение его царственной мощи, его сакрального или имперского авторитета. Такое присвоение в средневековье осуществлялось символически — через перенесение на русскую почву атрибутов или знаков усвоенного мира. Невозможность освобождения Царьграда не разрушает этой традиции: Московское царство присваивает себе византийское наследие через метонимические или метафорические его замещения. Это, например, и «шапка Мономаха», и приобретенный уже при Алексее Михайловиче «крест Константинов», и вообще любые «византийские» жесты в государственной практике. Такое же знаковое перенесение осуществляла позднее и Екатерина II: она построила, например, Софийский собор в Царском Селе (1788), недвусмысленно уподобленный Константинопольской Софии, что было хорошо понятно даже иностранным дипломатам. Английский посланник лорд Мальмесбюри писал, что Екатерина «строит в Царском Селе город, который будет называться Константиноградом» [17. С. 154].

Так же была осмыслена еще в XV веке **женитьба Иоанна III на последней представительнице рода византийских императоров — Софье Палеолог (1473)**. Реально этот брак не имел каких-то особых следствий, однако инициировал целый ряд «присвоений», которые удостоверяли право российских монархов на наследование царьградского престола. Самое известное из них — принятие византийского герба. Иоанн, как пишет Н. М. Карамзин, «по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, попирающий дракона». Так Москва получает право быть Византией-Константинополем: «Все думали <...>, что сам бог посылает ему столь знаменитую невесту, <...>, что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новою Византиею и даст монархам нашим права императоров греческих. <...> С сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву» [10. С. 203].

В этом фрагменте «Истории государства Российского» интересно уподобление Иоанна III Владимиру Святому, а Киева — Константинополю. Последнее сравнение, казалось бы, имеет совершенно баснословный характер, но для Карамзина-историка такое уравнение вполне правомерно, поскольку воспроизводит исторически обоснованную ментальную логику. Киев сравнивали с Царьградом во времена и Владимира, которого называли «подобным Константину», и Ярослава, построившего киевский Софийский собор. Этот образный ряд стал основой для религиозно-философского осмысления Руси уже в знаменитом «Слове о законе и благодати» современника Ярослава Мудрого — ми-

трополита Иллариона (XI век), и оказался очень устойчивым в русской традиции. Он мог быть актуализован как внутренне присущий элемент «семантической памяти» культуры в самых неожиданных вариантах и в самое разное время. В 1940 году, например, молодой поэт Д. Самойлов пишет неожиданное для своего времени стихотворение «Софья Палеолог», где воспроизведен сюжет присвоения царственной невесты и превращения Москвы в Третий Рим: «И где пределы торжеству, / Когда — добытую жар-птицу — / Везли заморскую царицу / В первопрестольную Москву / <...> / Полуулыбкой губ бескровных / Она встречала Третий Рим» [28. С. 274].

Символико-метафорические построения, тем не менее, не отменяли устойчивого желания не только воевать за освобождение Царьграда, но и присвоить его себе. Идея образования «новой Византии» возникает при сыне Ивана III и Софьи Палеолог — Василии Ивановиче, которому Максим Грек пытался «внушить <...> мысль о возможности образования новой Византийской империи» [8. С. 295]. Крым в его связи с византийским наследием ярко проявляет свою семантику чуть позже, в эпоху правления внука «грекини» — Ивана Грозного. При нем между Москвой и Крымом, поддерживаемым Портой, закипели настоящие геополитические страсти. Накал противостояния был вызван в первую очередь резким столкновением разных геополитических и этнокультурных инициатив, разных мировоззрений, то есть был основан на символических истолкованиях территориальной принадлежности.

С одной стороны, Крым в те времена мыслился, пусть и отдаленно, русской территорией: на старинных картах с их специфическим «тайным» статусом он включался в состав русских земель, с указанием, правда, что ныне там находится «Крымская орда» [12]. Считалось также, что Черное море издавна называлось Русским, а Керченский пролив — Русской рекой. Принимались во внимание и сообщения русских летописей о древнем Тмутараканском княжестве, которым когда-то владели русские князья. Следует учитывать и еще одну «географическую» мифологему, имевшую общеславянский характер и известную русской книжности с середины XVI века. Речь идет о легендарном «даре» Александра Македонского, который даровал славянам огромные территории, в том числе и все морские южные побережья. Оттоманская Порта упорно отрицала «исконные» претензии русских, полагая, что «Россия требует земель, которые никогда ей в прошлом не принадлежали» [1. С. 421]. Турция имела свои территориальные имперские замыслы — для нее Крым был буферной зоной в борьбе с Россией.

С другой стороны, к XVI веку изменились геополитические стратегии Руси. Раньше, несмотря на постоянные набеги и той и другой стороны, отношения России с Крымом укладывались в предсказуемые рамки: границы страны со всех сторон были окружены возникшими после распада Золотой Орды ханствами династии Джучидов — союзников Оттоманской империи, и серьезных военных действий от русских никто не ждал. Однако в 1550-х годах русские войска покоряют Казанское и Астраханское ханства, разрывая враждебное окружение (позднее будет покорена и Сибирь). Для России завоеванные земли стали залогом государственной мощи и самостоятельности. Это в целом соответствовало идеологии Московского царства, которое и получило именование «царство» после взятия Казани и Астрахани, что в сознании современников обеспечило присвоение царственного наследия и Византии, и Золотой Орды. Особенно важным мероприятием стало завоевание Казани, которое в русской книжности символически соотносилось с завоеванием Константинополя. Именно этими причинами обосновывал свой новый титул — «царь» («титло царского имянования») — Иван Грозный, чем приводил в недоумение иностранных дипломатов, не разумевших особой логики русских. Ведь на Руси издавна «царями» называли византийских императоров и ханов Золотой Орды, а также и их преемников. Резонно убеждал царя в необходимости завоевания

Крыма А. Курбский — герой Казанской осады [19. С. 66]: ведь не присвоенной пока оставалась последняя часть золотоордынской империи — Крымское ханство, с которым на протяжении долгого времени сохранялись напряженные отношения. Иван Грозный отказался от идеи полномасштабной войны за Крым, хотя и поощрял походы своих воевод на крымские улусы, о чем рассказывает тот же А. Курбский в «Истории о великом князе Московском».

Турция и Крым восприняли весь этот событийный ряд резко отрицательно — как покушение на их собственность, на золотоордынское наследство, а потому настойчиво требовали возврата Казани и Астрахани. К тому же Крымское ханство в этой ситуации оставалось последним «осколком» империи, а потому у правящей династии Гиреев появляется идея восстановления бывшего ордынского единства и владычества над Русью¹. Особенно настойчивым в исполнении задуманного был хан Девлет-Гирей, который совершил целый ряд походов на Русь. В 1571 году крымское войско дошло до Москвы, которая была сожжена дотла. Судя по свидетельствам документов, Девлет-Гирей добивался «посрамления» русских, ниспровержения их «непомерных» амбиций, что заставило Ивана Грозного даже заявить о возможности территориальных уступок. На деле царь готовился к «ответу», и ему удалось, пусть и вновь символически, «низвергнуть» Крымское ханство. К сожалению, эта знаменательная победа практически стерта из русской исторической памяти благодаря тому негативу, которым окружен Иван Грозный в официальной историографии. Однако это событие бережно хранил и высоко ценил русский фольклор (пример тому — историческая песня «Набег Крымского хана»). Речь идет о битве 1572 года при располагавшемся недалеко от Москвы селе Молоди² — «Молодинском Армагедоне» [24. С. 262]. Здесь Девлет-Гирей потерпел неожиданное и сокрушительное поражение, следствием которого стал отказ Крыма и Турции на какое-то время от их территориальных претензий к России.

Мысль о законности и реальности притязаний на Крым со временем становится еще более настойчивой. Об этом писал в посвященном царю Алексею Михайловичу трактате «Политика» сторонник идеи славянского единства Ю. Крижанич, несколько лет проживший в России и мечтавший о восстановлении цельного православного мира [3]. Новый виток борьбы с турками, главной ареной которой был Крым, начинается с Чигиринских походов при Алексее Михайловиче, затем войны вели и Федор Алексеевич, и царица Софья, в царствование которой В. Голицын пишет трактат о Крымском ханстве и «план присоединительного похода». Но реальные попытки завоевания Крыма в 1687–1689 годах окончились разгромом русских войск. Как видим, чем дальше отходила в глубь истории дата падения Византии, тем все больший интерес к Крыму испытывает русское государство.

Культура нового времени сохраняет те же ориентации и использует те же механизмы смыслообразования. Выстраивая свою «новую Россию» как мощное государство, Петр I вновь актуализует главные параметры русского «византизма». Именно в этом контексте понятны уподобление Санкт-Петербурга Константинополю и сравнения Петра с Константином и Владимиром Святым — первым восприемником «византийского наследия». Этими сравнениями пронизаны тексты петровских времен, созданные в уже знакомой этнокультурной логике: «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга», «Сказание о зачатии и рождении Петра Великого» П. Крекшина, «Сравнение свойств и дел Константина Великого ... с свойствами и делами Петра Великого» И. Голикова, «Владимир» Ф. Прокоповича. Вступает Петр и в русско-турецкие розни: еще в

¹ Крым, долгое время бывший зоной влияния Византии, в XIII веке был завоеван монголо-татарами и стал частью Золотой Орды, отдельное Крымское ханство было образовано в 1441 году.

² Сегодня это село Молоди Чеховского района Московской области.

самом начале своего правления совершает Азовские походы (1695–1696). Противостояние продолжается и в начале нового столетия: русско-турецкая война 1710–1713 годов оказалась неудачной для Петра, но активизировала в русском сознании давнюю царьградскую семантику. Попытки нового царя прорваться к Черному морю через Крым осознавались современниками как движение к Византии. Например, в панегирическом «Феатре, или Зерцале монархов», изданном одновременно на греческом и русском языках, Петр именуется «дружелюбцем греков», которые надеются, что «подаст всевышний бог, дабы Греция <...> возвратилась в свое состояние» [22. С. 70]. Неслучайно именно в это время по поручению Петра И.-В. Паузе пишет «Историю Царьградскую» (1711).

Еще более определенно Крым и Византия связались воедино при Анне Иоанновне — племяннице Петра, лелеявшей мечты о завоевании Константинополя и продолжившей военные действия в Крыму (1735–1739). Их смысл хорошо понимали современники. М. В. Ломоносов, например, пишет оду «На взятие Хотина» (1739), посвященную взятию русскими войсками турецкой крепости. Текст оды, написанный за пределами России человеком, уже несколько лет живущим в Германии, тем не менее, вполне откровенно выражает естественную для русского самосознания интерпретацию событий и связывает действия Анны Иоанновны с продолжением дел Ивана Грозного и Петра, а также и с судьбой Византии. Чуть раньше фельдмаршал Миних написал императрице в своем «Генеральном плане войны» о том, как он мыслит итоги крымских походов: «Год 1737. Е. и. в. полностью подчинит себе Крым <...>. Год 1738. <...>. Греки спасутся под крылами Российского орла. Год 1739. Знамена и штандарты ее императорского величества будут водружены. . . где? — в Константинополе. В самой первой, древнейшей греко-христианской церкви, в знаменитом восточном храме Святой Софии в Константинополе, она будет коронована как императрица греческая. . . Вот — слава! Вот — Владычица!» [1. С. 410–411]. Разгром Крыма в этой войне, хотя и не имевший практических последствий из-за «провальных» действий русской дипломатии, дал понять и Европе, и Турции, что «Россия уже не оставит Крым в покое» [1. С. 419].

Свою итоговую концептуализацию приобретает Крым во времена Екатерины II. Теперь это уже не только «дорога в Византию», но и сама Греция / Византия. Такая мена значений была очень талантливо организована Екатериной и отразила ее основные государственно-политические стратегии. Они легли в основу знаменитого «греческого проекта» императрицы — хорошо продуманного и откровенно озвученного в Европе и России плана восстановления Византийской империи. Целый ряд активных мероприятий по его исполнению стал основой новой национальной идеологии, окончательно оформившей и в русском, и в европейском сознании основные параметры образа «древней и великой Российской империи». Широко пропагандируемый в самых различных формах замысел завоевания Византии воспринимался как политическая реальность и в Европе, обсуждавшей в основном непомерные имперские амбиции Екатерины, и в России, где был восторженно встречен современниками. Они поняли замыслы императрицы как реализацию давней и излюбленной русской мечты: «Освободит Россия вас / и обновит афински стены» (А. Сумароков); «Орлы твои Афин достигнут / И вольность Греции воздвигнут» (В. Петров); «Се Константин восстал! Ликуйте мудры греки: / возобновятся вам прошедши сладки веки» (Ф. Голицын); «Афинам возвратить Афины, / Град Константинов Константину» (Г. Державин). В контексте «греческого проекта» родилась и грандиозная поэма М. Хераскова «Владимир Возрожденный» (1787), в которой проявила себя, наряду с общей религиозной семантикой, и идея исторического прецедента, удостоверяющего правомочность завоевания «неукротимого Тавра». В фи-

нале поэмы Владимир Святой видит, как покоряют Крым и возвращают «российский Вифлеем, <...> древний град Херсон» воины Екатерины [33. С. 244].

«Преклоненный» Екатериной «Тавр» вызывает исторические ассоциации и у Г. Державина, откликнувшегося на взятие Измаила: «Не вновь ли то Олег к Востоку / Под парусами флот ведет, / И Ольга к древнему потоку / Занятый ею свет лиет? / Иль Россов идет дух военный, / Христовой верой провожденный, / Ахейя спасть?» [7. С. 102]. Аналогично представляет присоединение Тавриды и П. Сумароков — автор «Путешествия по всему Крыму и Бесарабии в 1799 году»: «В 1783 году Россия обратила взор на древнее свое завоевание, и Таврида, претерпевшая толикие над собою превратности, приобщилась наконец под ее державу и составляет ныне прелестную оной область» [30. С. 305–306].

Именно в это время появился и Тмутараканский камень, о котором доложил императрице «собиратель российских древностей» А. И. Мусин-Пушкин. Вскоре он опубликовал и описание удостоверенных камнем исконно русских земель в северном Причерноморье — «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения» (1794), где утверждал, что это княжество было «издревле российским достоянием» [20. С. 64]. Хотя спор о границах княжества до сих пор не решен, в XVIII веке посчитали, что в его состав входили, помимо Тамани, и крымские земли, поскольку в надписи на камне упоминается Корчев (Керчь). Тмутаракань, как уже освоенный ментальный объект, попадает и в научные («Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне тмутараканском. . .» А. Оленина), и в литературные тексты. Тот же П. Сумароков пишет: «Тмутаракань поступила во владение великих князей российских, которая потом <...> и досталась им в удел, как мы то из истории видим» [30. С. 305]. Симптоматичным стал и выход книги П. А. Левашова «Картина, или Описание всех нашествий на Россию татар и турок, и их туту браней, грабительств и опустошений... С приложением нужных примечаний и разных известий касательно Крыма, прав российских государей на оный и проч.» (1792).

Однако фантастический «проект» Екатерины оказался, по сути, нереализованным, но императрица и не стремилась к реальному построению «новой Византии». В какой-то момент, несмотря на активизацию «греко-византийских» жестов, происходит явная подмена конечных целей, ставшая неожиданностью даже для самых искушенных политиков. В 1782 году Г. Потемкин получает секретный рескрипт о занятии Крыма, а год спустя австрийский император Иосиф напишет: «Занятие Крыма, Кубани и Тамани было для меня такой же неожиданностью, такой же новостью, как и для всей Европы» [26. С. 360]. Английский посол пишет в это же время о том, что Екатерина свой «любимый план заменила другим. . . Князь Потемкин получил от нее приказание занять и присоединить к ее владениям Крым и часть Кубанской области» [18. С. 889]. Подобное «замещение» Византии Крымом отметит, описывая свой разговор с Потемкиным, и французский посланник Л.-Ф. Сегюр: «Вам нужен Очаков и Аккерман: это почти то же, что требовать Константинополь» [29. С. 436]. Похоже, что замена Византии Крымом была до некоторой степени неожиданной и для русского сознания, устойчиво тяготевшего к идее освобождения Царьграда. Так, Г. Державин в 1784 году публикует оду «На приобретение Крыма», в которой варьируется тема следующего, более важного «приобретения» — Византии. Много лет спустя, комментируя оду, поэт напишет, что упомянул в ней великого князя Константина, «которого государыня желала возвесть на престол, изгнав турков из Европы, и для того обучен был греческому языку. Какие замыслы! Человек замышляет, а Бог исполняет!» [6. С. 255–256].

Однако для самой Екатерины никаких «замен» и «подмен» во взятии Крыма не было. Императрица в этом случае, как, впрочем, и во многих других, организует особое

коммуникативное событие, которое было построено не только на прямом сообщении информации, но и включило механизмы семантической памяти. Внешне Екатерина активно и демонстративно информирует окружающих о своих замыслах освобождения Византии и образования новой империи. Даже количество сведений об этом говорит о сугубо семиотическом характере таких «сообщений». Неслучайно В. О. Ключевский скептически оценивал выстраиваемые Екатериной «испанские замки» как «дипломатический бред», однако, заметил историк, с началом Крымской кампании этот «бред стал складываться в более определенные планы» [11. С. 50–51]. Поначалу планы присоединения Крыма осуждались только императрицей и Потемкиным, следствием чего стали секретный рескрипт о Крыме и заранее подготовленный тайный манифест о присоединении (подписан Екатериной 8 апреля 1783 года, дата официального присоединения — 8 января 1784 года). Внутренняя точка зрения на планируемые итоги русско-турецкой войны, как представляется, и выражает истинную семантику поступков императрицы: целью трезвого политика был именно Крым, и как геополитическое, и как особое «смысловое» пространство. Крым, казавшийся вначале лишь частностью в семиосфере «византийских» притязаний, окруженный постоянно реализующимися в дискурсивных практиках «константинопольскими» мотивами и сюжетами, предельно сблизился по своей семантике с Грецией / Византией и, в конечном итоге, смог стать ее метонимическим знаком и заменой.

Важнейшим мероприятием «греческого проекта» стало путешествие Екатерины в Крым (1787). Оно было откровенно идеологическим, то есть путешествием в мир идей — «в высшей степени серьезных, поистине государственного масштаба» [23. С. 416]. Эти контексты поездки императрицы на юг были очевидны и иностранным дипломатам, сопровождавшим ее в путешествии. Л.-Ф. Сегюр сделал такую запись: «Государыня-победительница имела приятную возможность торжественно вступить в Тавриду и занять престол татарских ханов, которых предки не раз заставляли русских князей являться с поклонами к высокомерным предводителям Золотой Орды» [29. С. 455]. Сама Екатерина, как писал австрийский император Иосиф, также принимавший участие в крымском путешествии, находилась все время «в восторженном состоянии по поводу всего, что она видит, и при мысли о новой степени величия и могущества, на которую это возводит Русскую империю» [26. С. 364]. То же фиксирует в своих «Записках» и секретарь императрицы А. Храповицкий: «Говорено с жаром о Тавриде: “Приобретение сие важно; предки дорого бы заплатили за то”» [34. С. 30]. Во всех этих наблюдениях отражено впечатление о том, что присоединение Крыма избавило, наконец, Россию от травмирующей тени прошлого — призрака «ордынского ига».

Идеологически выверенным моментом этого путешествия был и сам маршрут выбранного пути: двигаясь из Петербурга к Крыму, Екатерина демонстративно посещает Москву, Владимир, Киев и Херсон. Этот путь, изображенный на медали, выбитой в честь путешествия, был представлен в виде карты и обозначен как «Путь на пользу». Символически он прочитывался как *возвращение к себе*, к древним истокам — древней Руси и «источнику нашего христианства» (поэтому особенно торжественным было посещение Херсона-Корсуни). Так Екатерина использовала специфику национального чувства и этнокультурной памяти для создания образа своей империи — «великой и древней», которая теперь уже не противостоит «новой», как при Петре I, а авторитетно удостоверяет ее как истинную, имеющую давние корни, родословие и сакральные источники «царения».

Концепт *возвращение* был актуализован в сознании нации уже в день коронации Екатерины, например, в фейерверке, который так и назывался — «Возвращение Златого века» (1763). Теперь европеизированной «новой России» Петра, по-прежнему не-

однозначно воспринимавшейся русским человеком, Екатерина противопоставила идею возвращенной или обновленной «древней России». Именно поэтому свою «новую Россию» она сделала только частью империи: екатерининская Новороссия (Новороссийская губерния), столицей которой должен был стать Екатеринослав, была образована на отвоеванных по планам «греческого проекта» землях в 1764 году. Ее устройство, как показал А. М. Панченко, было ориентировано на сопоставление Екатерины с Петром I, на обновление или новую актуализацию его государственно-политических идей и усилий [23]. Концепт «обновление» хорошо понимали и современники императрицы. Так, в «Зерцале Российских Государей» Т. Мальгина подчеркнуто говорится о том, что Екатерина «Крым или Херсон Таврический <...> очистив и покорив державе своей, обновила древнее святилище с великою пользою. Там Великий Владимир веру в Христа торжествующую приял, а великая Екатерина попорченную воздвигла и обновила» [16. С. 142].

Закономерно, что завоеванному Крыму придавались «райские» черты «земли обетованной». Показательны в этом отношении оценки Потемкина, который писал Екатерине в 1782 году: «Есть ли твоя держава — кротость, то нужен и России рай. Таврический Херсон! Из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина II паки вносит в тебя кротость христианского правления» [13. С. 66]. В «Путешествии...» П. Сумарокова дано, как пишет сам автор, «изображение сего обетованного края, который, составляя лучшую часть России, есть истинное для нее сокровище» [30. С. 370]. Образ «Эдема в Тавриде» стал самым характерным для русской культуры и литературы конца XVIII — начала XIX века (например, «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонесе» С. С. Боброва, 1798; «Таврида» К. Батюшкова, 1815).

Одновременно Крым переосмыслился и как «греческое» пространство. Старым городам давали новые «греческие» имена: Севастополь, Симферополь, Феодосия (Кафа), Евпатория (Гулев), Левкополь и т. д. [19]. Таким образом, Крым становится пространством устройства издавна искомым «новой Греции» и «новой Византии». Различного рода греческими ассоциациями сопровождается и путешествие императрицы в Крым, ими полны ее письма внукам — Александру и Константину, последний и предназначенный в императоры будущей Византии. В письмах императрицы Константин, не поехавший в Крым только из-за болезни, как бы незримо присутствует в своих «греческих владениях»: «Я слушала греческую речь; я не поняла ни одного слова, потому что вас не было со мной. <...>. Если бы вы были здесь, то могли бы говорить по-гречески сколько угодно; здесь очень много греков» [4. С. 446]. Екатерина и себе легко «приписывала» эллинские черты: для своих современников она была «российской Минервой», ей писали оды на древнегреческом языке (например, «Екатерине II... истинной покровительнице греков, сочиненная на еллиногреческом языке Г. Балдани», 1779).

Эллинские ориентации оказываются очень важным компонентом идеологических стратегий Екатерины. Уже после возвращения из путешествия она пишет один и программных своих текстов — оперу «Начальное правление Олега» (1790), в которой и представлена ее основная имперская концепция. Грандиозное действие пьесы построено на совмещении трех стилистических пластов: они, переплетаясь между собой, представляют на разных уровнях (словесном и музыкальном) новое смысловое наполнение образа России. В опере, с одной стороны, закономерно присутствует Византия (действие, происходящее в Константинополе, сопровождается стилизованным унисонным пением на слова Еврипида); с другой — «древняя Русь» (сцены свадьбы Игоря и стилизованные русские народные песни, сочиненные, в том числе, и самой императрицей) и, наконец, «новая Россия» XVIII столетия (торжественные гимны на слова Ломоносова). Как явствует из «Объяснений» композитора оперы, подобная конструкция создавалась по прямому указанию императрицы.

Образ «языческой Греции» позволяет, оперируя традиционными мифологемами и схемами, существенно изменить даже основополагающую для национального самосознания концепцию «преемства от Греции». При всей внешней незначительности задуманных пространственных операций, они имели самое серьезное значение, поскольку моделировали особую «историческую» перспективу. Если в Крыму реконструируется «древняя Греция» и если императором Византии будет внук Екатерины, то водружение «креста на Святую Софию» осуществляет Россия. И в этом случае уже Греческая держава будет «преемствовать» от России, получив от нее политическую и религиозную независимость. Таким образом, истинно православная держава дарует грекам «свет», то есть репродуцирует новую Византию. Эта идея видна в письмах и записках самой Екатерины. Так, императору Иосифу она писала о своем намерении «восстановления древней Греческой империи на развалинах ныне господствующего на прежнем месте варварского владычества» [25. С. 290]. Откровенно выразил ту же мысль «карманный стихотворец» Екатерины — В. Петров: «Прими, несчастна Византия, / Тот свет от Россов, кой Россия / Прияла древле от тебя» (ода «На взятие Хотина», 1769). «Просвещение» греков Екатериной подразумевает и Державин в оде «На приобретение Крыма», о чем прямо напишет в комментариях к ней.

Таким образом, Крым и стал в русском сознании заменой Византии, метонимическим ее присвоением и тем ярким этнокультурным символом, который позволил русскому сознанию почувствовать византийское наследие реальным завоеванием. Россия в таком случае полностью вбирала в себя великую империю, становилась на ее не только политическое, государственное, но и, главное, духовно-религиозное место. Закономерно, что именно вторая половина XVIII столетия стала временем столь интенсивного освоения семантического потенциала Крымского мифа и идеи «Византийского наследия». К этому времени в русской культуре все более актуальным становится интерес к русской истории, ко «всему коренному русскому» (Н. М. Карамзин). Причем «коренное русское» — это именно область обычая, «народных склонностей», национального предания, пусть и мифологического, но питающего национальное чувство. «Пусть назовут то заблуждением, — писал Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России», — но как оно благоприятствовало любви к отечеству и нравственной силе оно!» [9. С. 34]. Обратив внимание на Крым и национальную специфику *русского чувства*, используя «коренные» символические потенциалы этнокультурной памяти, Екатерина II сумела придать и своей эпохе необходимые мифологические и, вместе с тем, подчеркнута национальные черты «золотого века России». Этот своеобразный парадокс заметил П. А. Вяземский, писавший, что императрица, «немка» по происхождению, стремилась «переделать нас в русских» [5. С. 526]. Результативность культурных стратегий Екатерины пронизательно увидит и П. Я. Чаадаев, писавший об эпохе Екатерины как о царствовании, «носившем столь национальный характер, что, может быть, еще никогда ни один народ не отождествлялся до такой степени со своим правительством, как русский народ в эти годы побед и благоденствия» [35. С. 188].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е. Россия без Петра. Л., 1994. 496 с.
2. Бердяев Н. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 246 с.
3. Бережков М. Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб., 1891. 90 с.

4. Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым // Исторический Вестник. 1885, сентябрь. С. 440–459.
5. Вяземский П. А. Записные книжки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1880–1825 гг. М., 1989. С. 523–536.
6. Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. 400 с.
7. Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 2002. 712 с.
8. Иконников В. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. 577 с.
9. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. 126 с.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. 5–8. Калуга, 1987. 576 с.
11. Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. Т. 5. М., 1958. 503 с.
12. Ловягин А. М. Старинные русские географические карты // Ловягин А. М. Исторические и библиографические очерки. Вып. 1. Пг., 1917. С. 83–92.
13. Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992. 288 с.
14. Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 407–412.
15. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.
16. Мальгин Т. Зерцало российских государей с 862 по 1789 год, изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования и кончины и вкратце деяния с достопамятными происшествиями. СПб., 1789. 145 с.
17. Мальсбюри Г. Дж. Лорд Мальсбюри о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. Т. 1. Кн. 1. С. 143–186.
18. Мальсбюри Г. Дж. Лорд Мальсбюри о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. Т. 1. Кн. 2. С. 840–889.
19. Медведева И. Таврида: Исторические очерки и рассказы. Л., 1956. 444 с.
20. Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего русского Тмутараканского княжения. СПб., 1794. 74 с.
21. Мильников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. 320 с.
22. Панегирическая литература Петровского времени. М., 1979. 309 с.
23. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. 464 с.
24. Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012. 370 с.
25. Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II (1774–1790) // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 290.
26. Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Леси во время его путешествия в Херсон и Крым в 1787 году // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 356–411.
27. Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. 336 с.
28. Самойлов Д. Стихотворения. М., 1985. 287 с.
29. Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 313–456.
30. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бесарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех мест // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990. С. 290–391.
31. Терехин Н. М. Богословие русской земли или геософия русской души (к разработке начал православной культурной антропологии) // Концепты. Вып. 2. Архангельск, 1997. С. 120–153.
32. Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. 448 с.

33. Херасков М. М. Владимир Возрожденный // Эпические творения Михайла Хераскова: В 2 т. Т. 2. М., 1787. С. 9–244.
34. Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990. 298 с.
35. Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма: В 2 т. Т. 2. М., 1991. 671 с.
36. Якобсон А. Л. Крым в средние века. Л., 1973. 174 с.

В. А. Земляничин

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВОССТАНОВЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В АРРАССКОМ ДОГОВОРЕ 1435 года¹

Общеизвестно, что этическая категория справедливости являлась одной из наиболее значимых ценностных доминант западноевропейского средневекового общества. Фундаментальные исследования, посвященные правовому сознанию человека средневековья, средневековой этике, морально-этическим ценностям рыцарства и характеру вассально-ленных отношений, раскрывают различные аспекты данного вопроса. Не вызывает сомнений значение категории справедливости и в формировании этико-политической концепции королевской власти. Как точно заметил Ю. П. Малинин, «в наборе королевских добродетелей ясно выделяется главная — справедливость» [4]. При этом справедливость государя должна была проявляться не только в отношении своих подданных, но и в отношениях с другими государями, поскольку, как известно, средневековое государство персонифицировалось в личности монарха. В этой связи представляется актуальным обратить внимание на проблему практического применения категории справедливости в дипломатии эпохи средневековья, в частности, в переговорных процессах, направленных на завершение межгосударственных конфликтов. Весьма репрезентативными в этом плане являются, на наш взгляд, материалы Аррасского конгресса 1435 г., среди которых мы бы хотели сфокусировать внимание на франко-бургундском договоре, ставшем единственным реальным результатом работы конгресса.

Аррасский договор 1435 г. стал результатом длительного переговорного процесса между представителями французского короля и бургундского герцога. Оставив в стороне длительную дипломатическую подготовку конгресса в Аррасе, а также перипетии политической борьбы в рамках самого конгресса [2], попытаемся проанализировать важнейшие статьи Аррасского договора и определить роль этико-политической проблемы восстановления справедливости в возрождении франко-бургундских отношений.

Английская делегация, отчаянно пытавшаяся на Аррасском конгрессе помешать намечавшемуся еще с начала 1430-х гг. франко-бургундскому сближению, потерпела полное дипломатическое поражение и была вынуждена 6 сентября 1435 г. покинуть Аррас. Но это не привело к завершению работы конгресса. Напротив, как сообщает пикардийский хронист Ваврен, «вскоре после отъезда английских послов из Арраса, две другие партии, которые остались в Аррасе, французы и бургундцы, встретились вместе снова в привычном месте, где у них состоялась крупная дискуссия по различным проблемам, и они согласились заключить окончательный мир между королем Карлом, с одной стороны, и герцогом Филиппом Бургундским — с другой» [12]. Этот важнейший в истории франко-бургундских отношений договор был подписан 21 сентября 1435 г.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена.